

Marja Leinonen
(University of Helsinki)

Диалектная речь в письменном изложении

Введение

В 1980–90-х годах проводился проект «Русский язык в Финляндии», финансируемый Академией Финляндии, под руководством автора данной статьи. В связи с этим записывалась речь бывших жителей с. Кююрёла (русское название Красное село), находившегося на Карельском перешейке. Красное село было общее название четырех деревень, обитаемым говорящими по-русски потомками крепостных. Они были переселены на Карельский перешеек русским полководцем Петра Первого графом Г.П. Чернышевым, по преданию, в 1720-е годы из своих владений в Московской или Ярославской губерний (von Pruschewsky 1962, 201–202). Впоследствии, когда юго-восточная Финляндия была присоединена к Великому княжеству Финляндскому в 1811 г., красноселы стали финскими гражданами, но сохранили свои обычаи, религию и окающий говор, среди финского населения.

В связи с Зимней войной и второй мировой войной территория была два раза завоевана СССР, а вместе с финским населением красносельчане, в общей численности ок. 2.000 человек, были эвакуированы в остальные части страны, где они и остались. Впоследствии, молодое поколение ассимилировалось с окружением. В ходе сбора записей речи старшего поколения, целью которого было описание диалектных особенностей, были получены и письменные материалы, особенно от одной бывшей жительницы села. На ее тетрадках и письмах и основывается данная статья.

По особенностям речи и традиций красносельчан вышли отдельные публикации и студенческие работы (см. von Pruschewsky 1962, Kauppi & Leinonen 1992, Harjula – Leinonen – Ovtchinnikova 1992, отчасти Овчинникова 1998, Leisiö 2001), но письменная диалектная речь еще не была объектом описания.

Данный материал представляет интерес для лингвистики со стороны изучения билингвизма, а также психолингвистики в том смысле, что

тут в письме отражается звуковая система русского языка в более чистом виде, чем в общепринятой орфографии. Тогда как русско-финский билингвизм в виде заимствований, мены кода, конвергенции грамматических систем уже было предметом исследования, применение кириллицы за пределами норм вряд ли могло обращать на себе внимание где-нибудь, кроме педагогики. Возможно, при изучении диалектов мог появляться материал, передающий в письменном виде особенности того или иного говора. Данная статья может, скорее всего, являться вкладом в диалектологию.

Информантка НЛ родилась в 1929 году в Красном селе, ходила до войны там в школу, где преподавание велось уже в основном на финском языке. После эвакуации учеба продолжалась на финском языке. НЛ вышла замуж за односельчанина и, несмотря на уже финскую среду, провела всю жизнь в обществе красноселов, продолжая говорить на диалекте. Русскому письму она выучилась сама. Она всегда проявляла интерес к своим корням, собирала и записывала песни, поговорки, сказки, выписывала сведения об истории села, о традициях красноселов. Записывала и по-фински и посылала сведения в Общество финской литературы, которое собирало описания фольклора и мемуары. Свои записки, написанные на диалекте, автор вручила сотруднице проекта Ольге Овчинниковой, которая занималась сбором фольклора для проекта, куда вошли и записи речи (см. Фольклор в Harjula-Leinonen-Ovchinnikova 1993). В записках повторяются те сведения, которые НЛ наговорила на магнитофонную пленку при нескольких интервью. Они также с большой достоверностью отражают речевые особенности говорящей. При сравнении этих двух форм записи, следует отметить, что устная речь более последовательно отражает диалектную систему, чем письменная.

Нельзя сказать, чтобы диалект у говорящего сохранился в первобытном состоянии – еще в Карелии многие сельчане ознакомились с другими формами русского языка, служили и работали вне села – мать и тетя информанта работали «у господ» на дачах и в Выборге, – а в селе также поселились другие русские и финны. Кроме того, читая русские тексты по интересующим ее предметам, НЛ осваивала фразы официального стиля, в которых диалектные черты могут стираться. Таким образом, форма речи и письма вариативны, хотя несомненно диалектны – чем НЛ и гордилась. Целеустремленность, с которой НЛ пыталась сохранить традиции, включая форму речи, заслуживает глубокое уважение. Как знак такового служит данное описание.

Перед разбором лингвистического материала приводится отрывок письменного текста НЛ, в котором рассказывается, каким образом красноселы оказались среди финнов. Следует отметить, что диалект очевидно относится к севернорусским (см. учебники по русской диа-

лектологии Колесов 1990 и Касаткин 2005). По преданиям, предки красноселов, крепостные, вышли из Московской или из Ярославской губернии (von Pruschewsky 1962, 201–202).

Образец

Трудные военные годы на чужине.

1939 в году началас трудная перемена нашей жызни осенью в пят часов утра к нам стучели в калитку и в большую комнату в окошко силно. Мы все проснулись. За калиткой стоял салдат Александр Грачов унево был прикас Папе и тагже лошадям явитца лошадеи отвести в Пялиля а Папе в село в казармы в резерф война звучело слово. Мама побежала дала лошадям сена Папа быстро одевался мы все плакали. Кое что собрали собой Папа запрёк лошадеи простился снами он выехал последне раз из родных ворот мы осталис плакат. Папа оставил лошадей в Пялиля и пошел в село Лошади ржали и он оглянилса как он росказывал и крупные слёзы покатилис у него из глас. Больше он их некогда невидал оне погибли были убиты на войне. Дле нас началос трудное время или наша жызн оборвалас. По вечерам больше не кому не ходил калитки рано запирали окна занавешывали темным. Настало смутное време. Салдатов подням шло границе видимо невидимо. Родные ездили в село казармам повидаца кого роду возили гостинцев. Воскрисене когда бывали службы салдат наших Русскийх выпускали в церков она была бйтком набита люди молилис чтобы небыло войны плакали. Потом и внашу деревню нагнали салдат Бабушка упросила начальника чтобы кнам не поселяли салдат как мы одни женщины сперва унас их небыло. Салдаты держали манеуры по полям. Потом Папу угнали проч из села к Выборгу он был пушаиник Школы сразу были закрыты. Моя кресна уея был домик трое дитеи она была беременна ея муж был врезерфе они жыли на ево зароботке. У ея было денежные затруднения. Кресна делала глиненные игрушки и петушки на них было выписано Кююрёля. Вот я по нашей деревне ходила скорзиначкой по салдатам продавала игрушкой салдаты покупали и посылали домой. Дома по натписю знали где оне находяца.

1. Проблемы в орфографии

Так как НЛ научилась навыкам письма в финских школах, в тексте видны отдельные отражения финских букв, например финская буква и на месте русского у, обозначающего тот же звук (пискали вм. «пускали»). Почти систематически опускается мягкий знак: началас, осенью, явитса, повидаца, плакат, жызн, церков, начальника, плате, очен. Он вставляется только словах больше, больные и семья. Буква ё в начале слова и после гласного заменяется буквой ю или сочетанием ю с гласным: юлка (ёлка), юолку (ёлку), троюм (троём), белюо (бельё). Началь-

ная буква *я* принимает роль йота (*j* в финском языке) перед *а*: *Ярославский* (Ярославский). Представляется, что в данном случае находит применение принцип финской орфографической системы «один звук – одна буква». Твердый знак вообще отсутствует в репертуаре НН: *обевил* (объявил).

Употребление мягкого знака в случаях *у купьца, пропъцы* (финск. *propsi*), *отьправим, сморъчки, оьпчим горем* (общим горем), *опьца кухня* (обща кухня), вероятно вызвана фонетической мотивацией, изменением места образования; написание *пвьсат* (*пивсать?*) (писать) остается загадочными.

Обозначение мягкого долгого звонкого шипящего звука [*ж:*'], который на письме обычно представлено сочетаниями *-жж-*, *-зж-*, передается присущим русской орфографической системе принципом: мягкость предыдущего согласного отражена в последующем гласном: *приежяло* (приезжало), *уежят* (уезжат).

Финский язык может дать повод написанию *всю симу* (всю зиму), *песком* (пешком), так как в финском фонемном составе имеется только один свистящий, глухой [*с*].

Загадочным остается обильное употребление буквы *й*, например в следующих случаях: *мир, по-славянский, многие сундуки, избёнки, нйчего, подушки, узелки, русскийх, одной, пошли, бумагай, русские, мйлой*.

2. Пофонемное написание

Несмотря на отсутствие обозначения мягкости согласных, в письме НН вообще соблюдает принцип фонематического написания. Вариация встречается в обозначении долготы, что представляет собой редкость в русском языке: *в Росии* (в России), *военые* (военные), *фины* (финны), *одавала* (отдавала). Далее, фонема [*о*] обозначена написанием через *о*: *недалоко* (недалёко), *бероскам* (берёзками), *селотки* (селёдки), *вишновой* (вишнёвой), *были поселоны* (поселены), *весолой* (весёлый), *грибов солоных* (грибов солёных), *одожы* – также *одежы*. Формы на *-го* часто пишутся через *в*: *нево* – *него*, *белова*. Сочетание *-чн-* передается как правило через *-шн-*: *пушашник* (пушечник), *улишной* (уличной), *порядашно* (порядочно), *праздешно* (празднично), *крошашна* (крошечна). Сочетание *-ст-* упрощено в конце слова и перед согласным, как обычно в диалектах и просторечии, до *-с-*: *сеснова* (съестного), *большую час* (часть), *жалосные, молодос, попас, крепосных*.

2.1. Ассимиляции согласных

В результате регрессивной ассимиляции в слове и на стыке слов происходят изменения звонких и глухих согласных. Они обозначаются автором на письме почти без исключения:

- оглушение: *прикас* (приказ), *запрёк* (запрёт), *глас* (глаз), *хлеп* (хлеб), *лошат* (лошадь), *открыф* (открыв), *пояс – поест* (поезд), *друк от друга* (друг от друга), *в лафке* (в лавке), *рас* (раз), *но два раз*, *удопцво* (удобство), *афтомобил – офтамобил* (автомобиль);
- озвончение: *тагже* (также), *зделаны* (сделаны), *з грудным детам* (с грудными детьми), *ждетми* (с детьми), *з дочере* (к дочери);
- фонемная замена *и > ы* при слитном произношении слов видна в написании *вызбушку* (в избушку), *высторию* (в историю) – но пишется и в *избушку*.

2.2. Твердые согласные [ш], [ж], [ц]

Примеры показывают систематически гласные *о, ы, а* после данных согласных *ш, ж, ц*: *нашой, нашым, жызни, жыли, пошол, замужом, станцью, тожо, тагжо, подморожаны, шынел, жылезной, бежаншов* (беженцев), *украшана, дешово, жалудок, поцоловал, зеркалцо*.

2.3. Диалектная фонетика

На письме можно установить следующие диалектные явления, которые также подтверждаются в записях речи автора и других говорящих на данном говоре (см. Kauppi & Leinonen 1992). Родной говор НЛ относится к окающим говорам с ёканьем, еканьем и иканьем с примесью аканья.

а) Оканье

На письме окающие и акающие говоры вряд ли можно отличить друг от друга. Есть, однако, признаки, которые присущи только окающим говорам: приставки *роз-, рос-*, отдельные лексемы с *ро-*, и безударное окончание прилагательного им. пад. м.р. ед.ч. *-ой*. Все эти написания имеют место в письме НЛ: *росказывал, росталис, розыскивали, роботницей, роботали, розмещали, рослили, розрежом, на-Розвос* (название деревни Развоз); *которой, первой, высокой, ласковой, старинкой*.

Разумеется, что при подобной смешанной системе на письме могут взаимозаменяться особенно буквы *о* и *а*: *остоновилис, домо* (дома). Особенно легко такие гиперкорректные формы встречаются в словах иностранного происхождения: *зало* (зала, современное зал), *по конаве* (по канаве), *костряла* (кастряла). С другой стороны, следующие формы отражают акающее произношение: *Каневец* (Коневец), *какетку* (кокетку), *салдат* (солдат), *корзиначкой* (корзиночкой), *девачка* (девочка), *канфет* (конфет), *на вагзалаф* (на вокзалах), *порядашная* (порядочная), *начевали* (ночевали), *двоюрадная* (двоюродная), *с начлегом* (с ночлегом), *от камоду* (от комоду), *карташки* (картошки), *сучачик* (уменьш. от «сук»), *згарячей* (с горячей), *подганяла* (подгоняла),

полутарные (полоторные – от слова «полотора») *стены, манах* (монах), *таргофка – торгофка*.

б) Еканье

Произношение неверхнего негубного гласного после мягкого согласного в безударных слогах как [e], еканье, обозначается на письме почти всегда: *чесов* (часов), *ечмен* (ячень), *дле – дльа*, *глиненные* (глиняные), *десет* (десять), *отвезала* (отвязала), *взела* (взяла), *земленные* (земляные), *ребетишки* (ребятишки), *ноებря – ноябрьа*, *дровеные* (дровяные), *те-нулис* (тянулись), *обеснили* (объяснили), *режоны* (ряженые), *в Енваре – в Январе*, *свечеников* (священников) – *свещеник*.

в) Ёканье

Произношение после мягкого согласного как [o] наблюдается в магнитофонных записях говорящего, но буква ё употребляется спорадически, например: *дарёне земля* (дареная земля), *перевёдёна* (переведена), *заместителём* (заместителем), *колёса, времё – време – время*.

г) Иканье

Иканье в безударных слогах обозначается достаточно регулярно: *воскрисене* (воскресенье), *дитеи* (детей), *сибе* (сибе), *ниделя* (неделя), *вит* (ведь), *одияло* (одеяло), *чихоткой* (чахоткой), *малинкую* (маленькую), *вроди* (вроде), *дочинка* (доченька), *подлица* (подлеца), *билее – белее*. Частотное в говоре слово *аккурат* (точно) появляется также в форме *викурат* (в аккурат).

2.4. Соответствия долгово мягкого шипящего звука [ш:']

Звук [ш:'] обозначается на письме через *ч* и *щ* и даже *ц* непоследовательно: *свеченик – свещеник, помещоны* (помещены). Преобладает написание через букву *ч*: *женчины* (женщина), *с пйчей* (с пищей), *по челику* (щелику), *мучины* (мужчины), *часливой* (счастливый), *находячееса* (находящееся), *возвратяся* (возвращаться), *роспрочалис* (распрощались), *розмечали* (размещали), *опчих* (общих), *товаричей* (товарищей), *обечай* (обещай), *кладбичо* (кладбище), *цел* (щель).

2.5. Прочие диалектные звуковые явления

Частотные в диалектах замены фонем в конце слога и слова отражены тут и на письме:

– *в > у*, например: *праудали* (правда ли), *в феурале* (в феврале), *глауной* (главной), *манеуры* (маневры). Несколько иное явление представлено в

утрате *-в-* между согласными: *деушки* (девушки), *короушки* (коровушки).

Наоборот, перед глухими согласными и в конце слова отмечается иногда замена *в > х*: *в лахку* (в лавку), *не успех одохнут* (не успев отдохнуть), *на побыхку* (на побывку), *чулках* (чулков). Видима некоторая неуверенность в падежной форме: *на попилицав* (пепелищах), *на танцав* (танцах), *русские розвечики в финских формаф салдатских*.

Автор пишет последовательно приставку и частицу *не* вместо *ни*: *некогда невидал* (никогда не видал), *не читат не писат* (ни читать ни писать), что нечуждо и севернорусским говорам (Гецова 1997, 144). Видимо, лексемы *пероги*, *серени*, *бесквиты* вошли в говор с *е* вместо *и*.

3. Лексические диалектизмы

В говоре, также у автора, общеупотребительны слова *оне* («они», безотносительно к роду), также *одне*, *ея* (её), *клеф* (хлев), *дедушко*, *кокушка коковала*. Отдельные слова представлены в диалектных фонетических вариантах: *Рожество*, *одежа*, *пондравилос*, *отсуда*, *тринатцет*, *требували*, *позабани* (по-за баней).

Более экзотическими могут представляться формы, в которых иностранные слова вошли в диалект: *евест* (финск. *eväs*, партитив *evästä*; «провиант»), *ероплан* – *еробланы*, *правизие*, *волосыпед*, *шалон* (эшелон), *фотографье*, *гардамон*, *посажырским поездом*, *пумпон*, *чумадан*. Оглушение согласного в конце слова лексикализировано в слове *резерф* – *врезерфе*. Слова иностранного происхождения, содержащие сочетания *-нт-*, *-нд-*, *-лт-* выступают часто без сонанта: *студет* (студент), *семету* (цементу; финск. *sementti*), *фундамет*, *аркимадрит*, *летинант* (лейтенант), *Кроштату*, *фетфебел* (фельдфебель), *фрот* – *фронт*.

4. Морфология

4.1. Морфологические особенности имен

а) Вместо общелитературного суффикса *-ние* выступает всегда *-не*: *затруднения* (затруднения), *удевленем* (удивлением), *без жалования*, *молене*, *пропитане*, *снетерпенем* (с нетерпением), *розрешене*, *жаловане*, *кушане*, аналогично, *перемире* (перемире).

б) Прилагательные бывают и стяженные и полные с вариацией независимо от лексического заполнения и окружения: *по леву сторону* – *по правую сторону*, *в Красну гвардию*, *кресна*, *ихна венчална картачка*, *нам назначену квартиру*, *другу ноч*, *ихны женчины*, *русски новости*, *в товарны вагоны*, *оржану муку*, *целу зиму* – *любимая корова*, *одежа тонкая плоха*, *задние ноги*, *прежняая*, *неприятная*.

в) Окончание прилагательного м.р. ед.ч. им.п. чаще всего *-ой, -ей*: *хорошой, последней, кандикторской, новой, трудной*.

г) Артиклеобразная постпозитивная частица *-то* сливается только со словом *которой*: *которот*. В остальных случаях частица употребляется как в литературном русском языке.

д) Окончание прилагательного в предл.п. ед.ч. м.-ср.р. чаще всего *-ым/-им*: *в холодным вагоне, в ним, на военным заводе, в одном крестьянским дому, на почотым месте, в пожарным доме – в этом вагоне*.

е) Как бывает в севернорусских диалектах, на месте твор.п. мн.ч. достаточно регулярно употребляется форма дат.п. мн.ч.: *нат нам, за нам, за плечам, со слезам, варушки (варежки) чорны с белым звёздам рисунком, з грудным детям, бусам украшали, целым дням, с пушкам и с коровами вагоне, вдова двум дочерям, грузовые машины солдатам, кверх ногам*.

ж) Парадигма слова *свой* сохраняет некоторые старые диалектные особенности, которые в данном письменном материале представлены только формами им.п. мн.ч. и твор.п. ед.ч. м.-ср.р.: *свое старинкйе, жызн пошла своим чередом*.

з) В одном случае наблюдается м.р. вместо среднего: *яблоков – отравленной* (о яблоке). В некоторых случаях выступают падежные окончания, аналогичные регулярным парадигмам: *салдатов/салдат, из наших местов, с Дядем Павлом, к двери, много чаиных розов, на дочери, рожествы*.

и) Окончание предл.п. ед.ч. ж.р. на *-ия* и слов ж.р. типа *кровать* – всегда *-е*: *на станцые, в Шветцые, на кровати, на постеле*.

4.2. Морфологические особенности глагольных форм

а) Стяженная форма наст.вр. 2.л. ед.ч. (только один случай): *ты думаши* (думаешь).

б) Употребляется деепричастие на *-ши*: *она умёршы, оне были выстроивших, все неженатые умёршы, поднявши в гору была Пустотка, пришоци, одохлавши мы пошли далее*.

в) Употребляется давнопрошедшее время (только один раз): *она была умерла* (была шесть лет парализована).

г) На месте форманта *-ова-* выступает *-ыва-*: *советывали, жертвывал*.

д) глаголы типа *мочь* сохраняют смычный согласный: *сошгона – сожгоны*; представлена также вариация: *могом – можот*.

е) Предикативные причастия выступают и в краткой и в полной форме: *были настроены новые дома, у него была открыта котомка – лес был переломаной, постели были набитые уже, у нас был сделанной временной клеушок.*

ж) Варьируются возвратные формы. Наряду с литературными формами выступают и диалектные, просторечные: *поздоровались, ты очутисса, боисса.*

5. Синтаксис

В синтаксисе легче всего обнаруживается влияние контактирующего языка, финского. При частично схожих конструкциях и функциях в двух языках, употребление определенной конструкции может распространяться по модели чужого языка, особенно при билингвизме. Что касается данного говора, нужно отметить, что говорящие жили в финском окружении уже 200 лет. (О финских конструкциях и конвергенции см. Leisiö 2001.)

5.1. Партитивный родительный

Род.п. употребляется в бытийных предложениях и в русском и в финском языках. В русских диалектах данное употребление встречается, но вероятно в данном случае для говорящего финская модель ближе в следующих выражениях: *там большую часть проживало шведов, вся жьзын была больных* (всю жизнь автор ухаживала за больными), *пленных русских было в селе, на озеро приежяло салдат по праздникам и приходило и деушок, в лесу было околетьх коров кверх ногам там, был у костра наших деревенцки и прочих.* В выражении *было послонно наших деревенских* выступает переходный глагол, но предикация все равно стативная. В русской диалектологии предпочитается понимание данной конструкции как эллиптического – значит, много чего-либо (Колесов 1990, 155–156). Тут вряд ли дело обстоит так; ср. также партитивное дополнение в следующих выражениях: *дали на место гардамону малинких чорниких гвоздей, жена сапожника купила чайных чашок, возили гостинцев.*

5.2. Отсутствие предлога

Отсутствие предлогов наблюдается уже в древнерусских текстах. В диалектологических работах оно тоже отмечается. Иногда можно подозревать, что предлоги как безударные слова действительно не слышны. Наш автор часто опускает предлог, особенно если он ассимилировался бы с начальным звуком следующего слова: *собрали собой, Андрей Ч. женой, шло границе, люди вёдрах подносили, кресному я хо-*

дила, Выборге, привезли королевичу, не кому не ходил, я шла сенокоса, но: нам пришло, много ходило Дяде Лёше, привёз 1727–1728 годах, но моем сердце ты вечно сонной. Как показывают отдельные примеры со слитным написанием, предлоги, вероятно, понимаются как приставки.

5.3. Препозитивный родительный посессора

В русском языке, также в диалектах, препозиция родительного атрибута служит эмфазе или другим стилистическим целям. В речи красноселов, также у автора, данный порядок наблюдается часто, когда имеются в виду родственные отношения. Видимо, на это может влиять и похожая конструкция с притяжательным прилагательным, которая тоже наблюдается в текстах: *ея мужа брата жена, Иды муц*, (ср. *Андреев баран*), *тети Мани свёкра брата жена*, (ср. *дяди Пеккину корову и креснова две*), *хозяина парнишко, хозяина фамиля*, (ср. *хозяикино наслетцво, крёснин муж, братова жена*), *лес был раньше старой девы отца, моей децкой подруги брат Сергей, мова дедушки двоюрадной брат* (ср. *дедушкину могилу*).

Отличие от других диалектов может проявляться в том, что в данном говоре отношения бывают не только родственные. При постоянном присутствии финской модели, в которой определение в родительном падеже стоит всегда в препозиции, это и естественно: *штаба начальник, мой шапки большой пумпон*. Тогда как последний пример представляет собой свободное словосочетание, первый – почти точный перевод финского термина *esikuntapäällikkö* (штаб-начальник).

6. Заключение

Выше были представлены основные черты красносельского говора в письменном изложении одного носителя говора. Хотя письменный литературный русский язык и мог влиять на форму письма, вызывая большую вариативность, диалектные формы на их фоне производят более сильное впечатление. Но это происходит только на письме. В звучащей речи оканье, ёканье и прочие фонетические особенности подчиняют себе всякую «литературность», и представляют для носителя современного русского языка глубокую архаичность. В отличие от «портретов просторечного говорящего», которые в современной русистике описывают стилистически смешанные идиолекты (например, Черняк 1997), пишущая и говорящая НЛ намеренно пытается сохранять и передавать все ей известные традиции, в том числе и форму речи в первоначальном состоянии.

Вообще, при всяком переводе звукового кода в письменный происходит абстракция. В данном идиолекте (идиописьме) она почти полностью соответствует тем правилам, которые принято применять при

транскрипции русских говоров, в которой, в отличие от орфографии литературного русского языка, соблюдается в основном фонемный принцип.

Адрес электронной почты автора: marja.leinonen@kolumbus.fi

Библиография

- Гецова, О.Г. 1997. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика. В кн. *Русские диалекты: история и современность* (Вопросы русского языкознания, Выпуск VII), 138–197. Москва.
- Harjula, Tiina, Marja Leinonen & Olga Ovchinnikova (ред.). 1993. *Kuuyrölän perinnettä – Традиции Красного села* (Slavica Tampereusia III). Tampere.
- Каупила, Эллиса & Марья Лейнонен. 1992: Судьба красносельского говора в Финляндии. *Scando-Slavica* 38. 154–169.
- Касаткин, Л.Л. (ред.). 2005. *Русская диалектология*. Москва: Academia.
- Колесов, В.В. (ред.). 1990. *Русская диалектология*. Москва: Высшая школа.
- Leisiö, Larisa. 2001. *Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian* (Acta Universitatis Tampereusis 795). Tampere.
- Ovchinnikova, Olga. 1998. *Что нам стоит дом построить. Традиционная крестьянская культура как основа построения современных русских популярных текстов и культурной практики* (Acta Universitatis Tampereusis 583). Tampere.
- Von Pruschewsky, Benita. 1962. Некоторые особенности красносельского говора. *Scando-Slavica* VIII. 201–219.
- Фольклор. Публикация Ольги Овчинниковой. 1993. В кн. Harjula & al. (eds.) 1993, 215–292.
- Черняк, В.Д. 1997. Лексические особенности речевого портрета носителя просторечия. *Russistik/Русистика* 1/2.97 (17–18). 61–72.